

20. Panchenko, G. *Luki i arbalety v boyu* (Bows and arbalests in battle). М., 2010. S. 35.
21. Potto, V. Op. cit. М., 2006. Т. 1. S. 118.
22. Astvatsaturyan E. Op. cit. S. 51; Marzey A. Op. cit. S. 184.
23. Lapiński, T. (Teffik-bey). *Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditelnaya borba protiv russkikh* (The Caucasus Highlanders and their liberation struggle against the Russians). Nalchik, 1995. S. 139.
24. Recorded from Khasan Yakhtanigov.
25. Recorded from Feliks Nakov.
26. Engels, F. *Karabin* (Carbine) // K. Marx and F. Engels. *Sochineniya* (Works). М., 1959. Т. 14. S. 244.
27. Denison J. *Istoriya konnitsy* (The history of cavalry). М., 2001. S. 236–237, 270–271, 287–290.

III. А. Гапуров¹

ЧЕЧЕНСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В статье рассмотрен вопрос о влиянии кавказских мотивов на творчество М. Ю. Лермонтова. Отмечается, что заметное место в этом творчестве заняла чеченская тематика («Мцъри», «Валерик», «Измаил-Бей»).

Ключевые слова: Лермонтов, Кавказ, Чечня, Валерик, взаимосвязь культур.

Кавказ сыграл огромную роль в развитии русской культуры XIX–XX веков, особенно в развитии литературы. В творчестве гениальных художников слова отразились не только картины природы, пейзажи гор и степей, удивительные по своей красоте, но и образы людей, живших на древней кавказской земле, их обычаи и традиции, а также яркие исторические события, происходившие здесь. В. Г. Белинский отмечал по этому поводу: «Странное дело! Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем их музыки, поэтической их родиной! Пушкин посвятил Кавказу одну из первых своих поэм – «Кавказского пленника», и одна из последних его поэм «Галуб» тоже посвящена Кавказу. Гри-

¹ ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич – доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, Заслуженный деятель наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия. Электронная почта: Gapurov2011@mail.ru.

боедов создал на Кавказе свое «Горе от ума». И вот является новый талант (речь идет о М. Ю. Лермонтове. – **Ш. Г.**) – и Кавказ делается его поэтической родиной, пламенно любимой им; на недоступных вершинах Кавказа, венчаных вечным снегом, находит он свой Парнас; в его свирепом Тереке, в его горных потоках, в его целебных источниках находит он свой Кастальский ключ, свою Ипокрену...» [2, с. 543].

Присоединение народов Северного Кавказа к России, кроме всего остального, привело и к взаимодействию культуры России и кавказских народов. Ранее всех Кабарда и Осетия, а затем и Чечня, вовлекались в орбиту культурного влияния России. Между культурой передовой России и народов Кавказа, и прежде всего Северного Кавказа, происходило взаимообогащение. Включение горских народов в состав России наложило неповторимый отпечаток на русскую культуру – литературу, искусство, общественную мысль. В то же время российская культура расширила горизонты познания, внесла мощную струю новых впечатлений в жизнь народов Кавказа, в том числе, конечно, и в духовную жизнь. В сложной и глубоко противоречивой действительности того времени многостороннее влияние русской культуры значительно усилило позитивные черты национальной культуры народов Северного Кавказа и ослабляло влияние феодальных порядков [4, с. 78].

Особое место среди русских писателей и поэтов – участников Кавказской войны, на чье творчество Кавказ оказал огромное влияние, – занимает М. Ю. Лермонтов. В 1825 году бабушка Михаила Юрьевича, Е. А. Арсеньева, привезла его в Горячие Воды (ныне Пятигорск) на лечение. Отсюда они прибыли в гости к сестре бабушки, Екатерине Алексеевне, в имение Хастатовых, близ нынешней станицы Шелковской Чеченской Республики (нынешний хутор Парабоч, где сегодня находится музей М. Ю. Лермонтова). Рассказы последней о чеченцах, особенно о Бей-Булате Таймиеве («славном Бейбулате» – по А. С. Пушкину), произвели очень сильное впечатление на юного Лермонтова.

Под влиянием этой поездки и рассказов Екатерины Алексеевны Хастатовой М. Ю. Лермонтов уже в 1828 году (в 14 лет) напишет поэмы «Кавказский пленник» (действие которой разворачивается на берегах реки Терек) и «Черкесы», а в

1832 году (по другим сведениям – в 1840) – свою замечательную поэму «Измаил-бей», в которой он несколько раз упоминает Бей-Булата. К этому герою – знаменитому кавказскому наезднику, чье имя гремело по всему Кавказу, – поэт вернется и в поэме «Хаджи-Абрек», написанной в 1833–1834 годах, где он опишет жуткий эпизод из семейной жизни Бей-Булата, закончившийся его убийством.

М. Ю. Лермонтов в первый раз был сослан на Кавказ в 1837 году, второй – в 1840. Следовательно, значительная часть его кавказских произведений написана в период его проживания в России, на родине. Откуда же она взялась – «кавказская грусть парня»? Чем же так занимал юного поэта Кавказ? Видимо, дикой красотой своей природы и неизмеримым свободолюбием его жителей – горцев, для которых свобода, личная свобода была превыше всего. Ради этой свободы, пусть не всегда правильно понимаемой, горец готов был пойти на любые лишения и трудности. (Как покажут дальнейшие события, жизнь в составе государства Российского была намного предпочтительнее для горца, пусть при этом и ограничивалась его личная свобода: законам государства должны подчиняться все; но для этого понимания нужно было время и терпеливая политика со стороны российской власти.)

Заметное место в кавказском творчестве М. Ю. Лермонтова занимает «чеченский след». Он так или иначе присутствует почти во всех его «кавказских произведениях». От него же, как известно, пошло и выражение «злой чечен», который «ползет на берег» Терека и «точит свой кинжал». Это из его «Казачьей колыбельной песни». Это – вовсе не потому, что Лермонтов плохо относился к чеченцам. Дело в том, что однажды, отдыхая в станице Червленной, поэт услышал, как молодая казачка напевает над колыбелью, и тут же, присев к столу, в казачьей хате набросал стихи, ставшие впоследствии народной песней. Этим он вовсе не стремился подчеркнуть непримиримость к чеченцам. Напротив, в повести «Бэла» он преклоняется перед «способностью русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить», о чем он позже и более подробно напишет в очерке «Кавказец» [9, с. 38, 39]. Среди горцев у М. Ю. Лермонтова был только один близкий друг – чеченец-кунак Галуб, о котором он говорит в стихотво-

рении «Валерик». И, наконец, Мцыри – один из самых ярких и любимых персонажей отечественной литературы. Вряд ли все в нашей стране знают, что прототипом его был чеченец. Ряд литературоведов считают, что в одноименной поэме отразилась судьба художника Петра Захарова. По рождению последний – чеченец. В сентябре 1819 года по приказу генерала А. П. Ермолова поголовно было уничтожено чеченское селение Дады-Юрт. Один из русских солдат на берегу Терека обнаружил умирающую женщину и ее маленького ребенка. Вот как это описывает народное предание: «...Один из казаков услышал в стороне от села, в густом прибрежном кустарнике, жалобный плач ребенка. ...Рванулся казак на этот звук, густые прибрежные заросли раздвинул и ... обомлел, замер как вкопанный. Казалось бы, ничего уже не может ожесточенного казака задеть за живое, а вот представшая картина парализовала его: на земле безвольно лежит окровавленная женщина, в одной руке – кинжал, другой ребенка к себе прижимает, мальчика, всего в крови, в грязи... и еще Бог весть в чем, а тот, как к единственному островку, связывающему его с сытостью, теплом, лаской и уютом, приник к материнской груди, застыв в младенческом страхе» [5, с. 55–56]. Ребенка по приказу А. П. Ермолова отвезли в казачью станицу, и его взял под присмотр казак Захар Недоносов (откуда и фамилия – Захаров). Позже, когда ребенок подрос, его взял на воспитание двоюродный брат А. П. Ермолова – Петр Ермолов. Благодаря его поддержке мальчик закончил Петербургскую академию художеств, стал известным художником, а за портрет А. П. Ермолова был удостоен звания академика.

Весьма интересно и другое: после разгрома аула Дады-Юрт в плен попали несколько десятков женщин и детей, и среди них – три мальчика. Всех троих взяли на воспитание русские офицеры. Один из них известен как художник Петр Захаров, ставший прототипом Мцыри. Второй – Бота Шамурзаев, которому в 1819 году было 9–10 лет (и потому известно его имя), – был взят на воспитание бароном Розеном, закончил кадетское училище, стал офицером, служил в конвое цесаревича Константина в Варшаве, позже был переведен на Кавказ, где и познакомился с М. Ю. Лермонтовым. Ряд исследователей считают, что именно он стал прообразом героя поэмы Лер-

монтова «Измаил-бей» [12, с. 55]. Третий мальчик – Айбулат Розен – стал известным поэтом.

М. Ю. Лермонтов был участником многих кровопролитных сражений Кавказской войны и собирался об этом поведать. В письме Алексею Лопухину он писал: «Может быть, когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых я был свидетелем...» [9, с. 36]. К сожалению, Лермонтов не успел выполнить намеченное. Единственным произведением, в котором наиболее полно и ярко он отразил свои боевые впечатления, стало его стихотворение «Валерик». В нем он описал кровопролитное сражение между отрядом генерала Галафеева и восставшими чеченцами на реке Валерик 11 июля 1840 года.

Российское командование в начале 1840-х годов оказалось неспособным верно оценить резко изменившуюся военно-политическую ситуацию на Северо-Восточном Кавказе и соответствующим образом выработать новую тактику военных и политических действий. План российских войск на Кавказской линии, составленный в 1839 году, исходя из предположения о полном «успокоении края», так и не был изменен после всеобщего восстания в Чечне весной 1840 года. Командующий Кавказской линией генерал П. Х. Граббе, даже получив известия о тревожных событиях, не придавал им должного значения и продолжал отдыхать в Ставрополе и Пятигорске. Разбираться в ситуации в Чечне он отправил генерала Галафеева, который, «ознакомившись воочию с серьезным положением дел в крае, не счел возможным поступить даже буквою предположения о действиях на Левом фланге в 1840-м году, а оно... было построено на условии полнейшего спокойствия Чечни и, следовательно, во все не соответствовало новой тревожной обстановке» [11, с. 281].

Кавказское командование по-прежнему продолжало следовать тактике отдельных набегов и экспедиций, надеясь однажды одним решительным ударом покончить с сопротивлением горцев и с имаматом Шамиля.

В начале июля 1840 года кавказское командование получило сведения о том, что Шамиль с основными силами направился в Салатавию, чтобы поднять восстание в этом районе Дагестана. Галафеев решил ударить по Малой Чечне, пре-

следуя две цели: отвлечь от Дагестана тех чеченцев, которые были в войсках Шамиля и нанести как можно больший урон чеченцам. Вооруженных отрядов имама в этой части Чечни не было, и потому российские войска в начале июля 1840 года, не встречая особого сопротивления со стороны чеченцев, уничтожили селения Чечень, Атаги, Чахкери, Ахшпатай-Гойта, Чонгурой-Юрт, Урус-Мартан, Таиб, Гажи-Рошни, Гехи, Чурек-Рошни, Пешхой-Рошни. Однако через неделю после начала похода Галафеева чеченцы смогли собрать довольно внушительную силу (это были преимущественно жители Малой Чечни), и 10 июля в Гехинском лесу произошел большой бой.

На следующий день, 11 июля 1840 года, на берегах реки Валерик, недалеко от селения Гехи, произошел тот самый знаменитый бой, описанный М. Ю. Лермонтовым в стихотворении «Валерик». Это был классический лесной бой, о котором военный историк А. Юров писал: «Если лесной бой вообще принадлежит к числу труднейших операций на войне, то картина боя в вековом чеченском лесу поистине ужасна. Здесь управление войсками невозможно, и начальству оставалась одна надежда на беззаветную доблесть и боевую сметку солдата. Неприятель был невидим, а между тем каждое дерево, каждый куст грозили смертью. Едва разорвется цепь или часть ослабеет от убыли, как, точно из земли, вырастали сотни шашек и кинжалов, и чеченцы, с потрясающим даже привычные натуры гиком, бросались вперед. Хороший отпор – и все снова исчезает, только пули градом сыпятся в наши ряды, но горе, если солдаты терялись или падали духом: ни один из них не выносил своих костей из лесной тущобы. В данном случае (т. е. под Гехами, у реки Валерик. – **Ш. Г.**) чеченцы имели дело с закаленными в боях кавказскими полками: имена куриинцев, графцев, кавказских сапер и мингрельцев сами говорят за себя. Но, констатируя факт полной геройской доблести войск, нельзя не послать упрека начальнику чеченского отряда: произведи он тщательную рекогносцировку да будь более осмотрителен, – вероятно, на берегах Валерика не пришлось бы пролить столько дорогой русской крови» [11, с. 305–306]. В бою на реке Валерик обе стороны понесли серьезные потери. Горцы потеряли 150 человек убитыми. С российской стороны «убито 6 обер-офицеров, 65 нижних чинов, ранено 2 штаб и 16 обер-офицеров, 1 чиновник и 198 нижних чинов, без

вести пропал 1 обер-офицер» [11, с. 307]. Сам М. Ю. Лермонтов в письме другу так описывал этот бой: «У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду. Нас было всего 2000 пехоты, а их до 6 тысяч; и все время дрались штыками. У нас убыло 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте – кажется, хорошо! Вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела пахло кровью...». Как видим, официальные цифры потерь несколько расходятся с теми, что приводит участник Валерикского боя Лермонтов.

Работая над стихотворением, поэт выбросил оттуда многие строки, рисующие жуткие подробности сражения. Вовсе не потому, что щадил будущего читателя, а в поисках точного образа, чтобы в привычной уже обыденности войны передать весь ужас происходящего. Пытаясь утолить жажду, герой «Валерика» хочет зачерпнуть воды из горной реки, но «мутная волна была тепла, была красна...» [9, с. 36].

Любая война – это ужас, кровь и жертвы, многочисленные жертвы. Реалии Кавказской войны были особенно страшными. И особенно для Чечни, где население оказывало очень упорное сопротивление. Анализируя действия российских войск в Чечне в начале 1840-х годов, петербургский историк В. В. Лапин отмечает: «Карательные отряды истребляли все на своем пути. Земли в районе Сунжи были превращены в настоящую пустыню, жители или бежали, или погибли. Особое место в истории этого периода войны заняла экспедиция под командованием генерала Галафеева. Его двухтысячный отряд громил Малую Чечню, 11 июля попал в засаду на реке Валерик, где произошло одно из самых кровавых сражений на Кавказе, известное благодаря стихотворению М. Ю. Лермонтова» [6, с. 135].

Другой русский поэт XIX века, также участвовавший в Валерикском бою, Константин Белевич, писал в своих мемуарах: «Едва ли в мире есть другая страна, подобная Чечне, где с любого возвышения на левом берегу Сунжи можно в ясную погоду простым глазом окинуть столько орошенных кровью окрестностей – окрестностей, где каждый куст, каждая рытвина были свидетелями последнего вздоха умиравшего; где каждая поляна, каждый брод чрез речку, каждый вход в ущелье видели, в продолжение многих лет, за раз сотни и тысячу смертей, паривших над долинами Сунжи и Аргуна...»

[1, с. 172]. Так же, как и М. Ю. Лермонтов, К. Белевич оставил описание Валерикского боя 11 июля 1840 года в стихотворении «Валерик, Гехи и Асса», где писал:

*Что теснины Дагестана!
Вся гехинская поляна,
Словно плуг ее вспахал,
Была ядрами изрыта
И телами вся покрыта.
Кто не скажет, кто видал,
Что чеченские кинжалы
Там прикладов не рубали,
Не зубрились о штыки?
Будут памятны Гехи [1, с. 122].*

Жуткие реалии Кавказской войны вызывали неприятие и отторжение у многих здравомыслящих людей, вынужденно принимавших участие в этой трагедии. И неслучайно, что именно после Валерикского боя М. Ю. Лермонтов и напишет свои известные строки:

*Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом,
А там вдали – грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
В своем наряде снеговом
Тянулись горы, – и Казбек
Сверкал главой остроконечной
И с грустью тайной и сердечной,
Я думал: жалкий человек...
Чего он хочет? ...Небо ясно,
Под небом места много всем, –
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он... зачем? [8, с. 145].*

Рассуждая о стихотворении «Валерик», Б. С. Виноградов и В. Б. Виноградов отмечали: «Рассказ рядового участника Кавказской войны об одном из многих и многих сражений на берегах речушки, затерявшейся где-то в Чечне, потрясает

глубиной философских размышлений, трезвостью взгляда и смелостью гордой мечты, потому что автор-рассказчик – передовой человек своего времени, воплотил в нем “мысль народную”. Мечта, венчающая стихотворную исповедь, широко отразила исконные чаяния народов всех стран и многих поколений – стремление к миру.

В стихотворении “Валерик” ощущается присутствие образа народной истории, проявляющегося в раздумьях и героя-повествователя, и кунака-чеченца» [3]. Это стихотворение от начала и до конца пронизано состраданием. Гениальность Лермонтова проявляется и в том, что по духу «Валерика» совершенно не видно, на чьей стороне поэт, хотя он мужественно и храбро, презирая опасность, сражался против горцев.

Весной 1840 года в Чечне происходит всеобщее восстание. Оно было вызвано крайне репрессивной политикой генерала Пулло, командующего российскими войсками в Чечне. Даже у авторов XIX века, даже у представителей так называемой «официально-охранительной историографии» об этом генерале и его деятельности не находится ни одного доброго слова. Именно его политике в Чечне Россия и Северный Кавказ обязаны тем, что восстание охватило и равнинную, и горную Чечню, Шамиль был провозглашен здесь имамом, и началась самая кровопролитная страница Кавказской войны – так называемая «блистательная эпоха» Шамиля, когда именно чеченцы составили костяк повстанческой армии имама, превратились в самую упорную и организованную силу этой войны – этой трагедии XIX века. М. Ю. Лермонтов как историк этой войны не мог не написать об этом восстании. Он подыскивал, видимо, удачную фразу, чтобы отобразить чеченские события 1840 года. «Чечня восстала вся кругом», – слишком, видимо, сухо. «В Чечню сходились удальцы», «В Чечню стекалась молодежь». Остановился поэт на последнем варианте. «Из гор Ичкерии далекой // Уже в Чечню на братний зов // Толпы стекались удальцов» [8, с. 288, 290].

Весьма интересно и другое: всеобщее восстание в Чечне 1840 года почти теми же словами, что и Лермонтов, описал и К. Белевич:

*Как бурные весною воды
Из снеговых и черных гор,
Стеклись, поклявшись смьть позор,*

*Притоков сунженских народы:
На берегах их матери-реки
Уже селились казаки
И, не давая им покою,
Аулы ближние пожгли.
Весь правый берег за рекою
Опустошив, с мечом прошли [1, с. 12].*

«Лермонтов с честью носил мундир русского офицера, но “вкус войны”, о котором он, явно бравирюя, писал другу А. Лопухину, оказался солоноватым от крови и безмерно горьким. Он накладывает на душу свой мертвящий отпечаток, и герой “Валерика” наблюдает ее страшные сцены уже “без кроважного волнения”, просто как “представленье” или “трагический балет”, и с горечью замечает: “Меж тем товарищей, друзей // Со вздохом возле называли; // Но не нашел в душе моей // Я сожаленья, ни печали”» [9, с. 39].

Земной путь поэта М. Ю. Лермонтова оказался коротким и трудным. Ему «не суждено было дожить до двадцати семи лет. Выстрел дуэльного пистолета, прогремевший в предгрозовых сумерках у подножия Машука, оборвал жизнь поэта, полную неразделенной любви, мучительных раздумий и беспрестанных скитаний по дорогам России и Кавказа. За строками таких непревзойденных лермонтовских шедевров, как “Завещание”, “Валерик” и “Сон”, стоит его драматическая боевая судьба» [9, с. 35].

Годы, проведенные на Кавказе, М. Ю. Лермонтов назовет «самым счастливым временем» своей жизни. Кавказу, традициям его народов, событиям, происходившим здесь в первой половине XIX века, посвящены лучшие произведения великого поэта. О многом говорят величавые строки Лермонтова, в которых он признается в любви к Кавказу: «Приветствую тебя, Кавказ седой! // ... Прекрасен ты, суровый край свободы... // Как я любил, Кавказ мой величавый, // Твоих сынов воинственные нравы («Измаил-бей»).

Современный исследователь кавказского творчества М. Ю. Лермонтова А. А. Шамурзаев отмечает, что в стихотворении «Валерик» поэт «впервые выразил свое отношение к вражде, существующей между людьми на земле. Он осмыслил этот важный и враждебный духу человека вопрос непосредственно на поле Валерикского сражения» [10, с. 150].

На Кавказе ссыльные декабристы и великие русские писатели познали гордый и независимый дух горских народов, их храбрость и отвагу, бесстрашие перед смертью на поле боя, верность дружбе и обычаям, поэтические предания горцев, их песни и пляски.

Все эти впечатления будили уважение и симпатии к горским народам, усиливали романтические порывы русской общественной мысли, литературы, музыки, живописи, плененных величественной кавказской природой, суровым бытом горцев и их героизмом в отстаивании своей свободы. Свободолюбие горцев вызывало ответные чувства прогрессивных людей России. «Так создавался уникальный механизм взаимодействия передовой культуры России и народов Кавказа» [4, с. 78–79].

Использованная литература:

1. Белевич К. П. Несколько картин из Кавказской войны и нравов горцев. СПб.: А. Круг, 1891.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 4.
3. Виноградов Б. С., Виноградов В. Б. «Речка смерти» и мечта о мире // Лермонтовский сборник: 1814–1964. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1964.
4. Документальная история образования многонационального государства Российского: в 4-х кн. М.: Норма, 1998. Кн. 1.: Россия и Северный Кавказ в XVI–XX вв.
5. Ибрагимов К. Х. Академик Петр Захаров. Романтизированная биография. Грозный: Издательство М. и В. Котляровых, 2013.
6. Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб.: Европейский дом, 2007.
7. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: в 5-ти т. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 3.
8. Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6-ти т. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 2.
9. Маркелов Н. В. Лермонтов на Кавказе: вкус войны оказался безмерно горьким // Новое время. 2000. № 8. С. 35–39.
10. Шамурзаев А. А. Роль и место чеченца Боты Шамурзаева в творчестве М. Ю. Лермонтова. Грозный. 2004.
11. Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1886. Т. 10. С. 225–404.
12. Юсупов А. У., Юсупов А. А. Чечня и Лермонтов (о лермонтовских героях-чеченцах). Элиста: Джангар, 2004.

CHECHEN MOTIFS IN LERMONTOV'S WORKS

GAPUROV, Shakhrudin – Litt.D. (National History), Prof., President, Academy of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russia.

E-mail: gapurov2011@mail.ru

The article deals with the question of the Caucasian motifs that had an impact on Lermontov's works. The Chechen themes are considered to occupy an evident place in the poet's works ("Mtsyri", "Valerik", "Is-mail-bey").

Keywords: *Lermontov, the Caucasus, Chechnya, Valerik, correlation of cultures.*

References:

1. Belevich, K. *Neskolko kartin iz Kavkazskoj voiny i npravov gortsev*. SPb.: A. Krug, 1891.
2. Belinsky, V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13-ti t.* (Complete works in 13 vol.) M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1954. T. 4.
3. Vinogradov, B., Vinogradov, V. "Rechka smerti" i mechta o mire (The 'Death River' and a dream of peace) // *Lermontovskiy sbornik: 1814–1964*. Grozny: Checheno-Ingushskoe kn. izd-vo, 1964.
4. *Dokumentalnaya istoriya obrazovaniya mnogonacionalnogo gosudarstva Rossiyskogo: v 4-h kn.* (A documentary history of the establishment of the multinational Russian State). M.: Norma, 1998. Kn. 1.: *Rossija i Severnyj Kavkaz v XVI–XX vv.*
5. Ibragimov, K. *Akademik Petr Zakharov. Romantizirovannaya biografija* (Academician Petr Zakharov. A romanticized biography). Grozny: Izdatelstvo M. i V. Kotliarovykh, 2013.
6. Lapin, V. *Armija Rossii v Kavkazskoy voine XVIII–XIX vv.* (The Russian Army in the Caucasian War of the 18–19th centuries). SPb.: Yevropejskiy dom, 2007.
7. Lermontov, M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 5-ti t.* (Complete works in 5 vol.). M.; L.: Academia, 1936. T. 3.
8. Lermontov, M. *Sochineniya: v 6-ti t.* (Works in 6 vol.). M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1954. T. 2.
9. Markelov, N. Lermontov na Kavkaze: vkus voiny okazalsia bezмерно gorkim (Lermontov in the Caucasus: the taste of the war has proved extremely bitter) // *Novoe vremya*. 2000. № 8. S. 35–39.
10. Shamurzaev, A. *Rol i mesto chechentsa Boty Shamurzaeva v tvorchestve M. Lermontova* (Role and place of Bota Shamurzaev, a Chechen, in M. Lermontov's works). Grozny. 2004. S. 150.
11. Yurov, A. *1840, 1841 i 1842 gody na Kavkaze* // *Kavkazskij sbornik*. Tiflis, 1886. T. 10. S. 225–404.

12. Yusupov A., Yusupov A. *Chechnya i Lermontov (o lermontovskikh geroyakh-chechentsakh)*. Elista: Dzhangar, 2004.

Н. В. Ламосова¹

ВКЛАД Е. Д. ФЕЛИЦЫНА В УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Статья посвящена деятельности Е. Д. Фелицына по сбору средств для сооружения памятника М. Ю. Лермонтову в Пятигорске, а также сведений о пребывании поэта в Тамани.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, Е. Д. Фелицын, памятник М. Ю. Лермонтову в Пятигорске, Тамань.

Евгений Дмитриевич Фелицын (1848–1903) – известный кубанский краевед, кавказовед, археолог, статистик, основатель Кубанского войскового этнографического и естественно-исторического музея, журналист и общественный деятель – одна из значительных фигур в истории нашего региона. Этот неутомимый исследователь, наряду с другими достижениями, внес весомый вклад в изучение вопроса о пребывании великого русского поэта М. Ю. Лермонтова в Тамани и увековечение его памяти на Кавказе.

Еще в конце 1860-х годов прогрессивная общественность России подняла вопрос о сооружении в Пятигорске памятника М. Ю. Лермонтову. Однако только 23 июня 1871 года последовало Высочайшее соизволение на сбор добровольных пожертвований для этой цели по всей России. До 1875 года денежные средства поступали в Главное управление Наместника на Кавказе. 30 сентября 1875 года с утверждения Его Императорского Высочества Наместником на Кавказе, по ходатайству начальника Терской области и наказного атамана, генерал-адъютанта А. П. Свистунова, во Владикавказе был учрежден специальный комитет по сооружению памятника

¹ ЛАМОСОВА Наталья Вячеславовна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник литературного отдела Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: nata.lamosova@mail.ru.